

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ ЕГО

К 70-летию со дня рождения Николая Островского

Небольшая речушка разделяла надвое Берездов. Иду через старый деревянный мост. Берег песчаный, редкая зелень. Мирно нежатся утки в окружении желтых шариков — утят. Чуть поодаль невзрачный домишко с узкими окнами. В эти окна смотрел когда-то Коля Островский. Ходил здесь через мост на работу — в здании райпарткома была своя «комсомольская» комната. Впрочем, сюда заглядывал он обычно по вечерам. Районный организатор комсомола Николай Островский создавал по хуторам новые ячейки, агитировал молодежь «жить по-новому», становиться в ряды бойцов за светлое будущее человечества.

Запомнилась со школьных времен фотография Островского — он в кровати, заостренное лицо, военная гимнастерка. И только побывав в Шепетовке, Берездове, Изяславе, познакомившись с друзьями его комсомольской юности, я как бы увидел другого Островского — стройного кареглазого юношу, великолепного рассказчика, любителя шутки, лирической песни и жестко требовательного в делах к себе и другим.

В Берездове он жил в доме М. Г. Тарасюка. И вот я беседую с Макаром Григорьевичем, его дочерью. Они хорошо помнят своего постояльца. «Я у него пытаю при знакомстве: «Ты, Микола, большевик?» А он смеется: «Комсомолец, но буду большевиком», — вспоминает Тарасюк. — Очень Лисицына уважал...»

Весной 1923 года Николай Островский приехал из Шепетовки, после болезни, в этот новый райцентр, устроился техником-смотрителем райкоммунхоза. И естественно предположить, что новый служащий был на беседе у председателя Берездовского райисполкома Лисицына — граница проходила рядом, проверялся каждый новый человек. «С этого времени два Николая стали большими друзьями — и на всю жизнь», — пишет Р. П. Островская, жена писателя, в только что выпущенной издательством «Молодая гвардия» интересной книге «Николай Островский».

Об этой дружбе, той роли, что сыграл в жизни Островского большевик Н. Н. Лисицын, в многочисленных работах о писателе упоминалось лишь вскользь. Однако время, как известно, дополняет портреты таких людей новыми штрихами. Сейчас уже можно утверждать, что дружба «двух Николаев» закалила характер Островского, помогла ему глубже разобраться в себе, выверить политические ориентиры. Под влиянием Лисицына Николай созревает духовно. Он был, как свидетельствуют очевидцы, буквально влюблен в Лисицына, считал его «самым лучшим большевиком», старался подражать ему во многом.

О Николае Николаевиче в округе ходили легенды. Этот суровый, несмотря на свои двадцать шесть лет, немногословный человек, в сером армейском френче с орденом Боевого Красного Знамени, маузером в деревянной кобуре, без устали ездил по хуторам нового района, где рождались первые ячейки Советской власти — Советы, отличался личной храбростью в схватках с бандами и проникавшими из-за кордона контрабандистами.

Коренной туляк, оружейник, Лисицын в 18-м году, уже коммунистом, пришел в армию, участвовал в освобождении Украины. Молодой, горячий политрук роты, а затем

комиссар полка первым бросался в штыковые атаки, не терялся в самые критические моменты. И новобранцы даже не предполагали, что рослый суровый комиссар многим из них был ровесником.

И вот теперь он — председатель Берездовского райисполкома. Бывая в хуторах, видел он нужду раболопно срывающих шапки крестьян, неграмотных парней и девчат, плохо представляющих себе: что же происходит вокруг? И Лисицын помогал Островскому готовить их в комсомол.

Бюро Шепетовского окружкома КСМУ, утвердив первую комячейку в Берездове, одновременно рекомендовало Николаю Островского ее секретарем и утвердило его райорганизатором комсомола. А вскоре, не без участия Лисицына, первый комсорг был выдвинут в политруки Райвсбуча.

Помчались вскачь дни, до краев наполненные заботами. Островский носился на гнедом жеребчике по району — пропыленный, всегда стремительный, юношески открытый для всех. В хуторах его называли «завзятым комиссаром». Он знал, что его так называют, тайне гордился этим, потому что в его понимании комиссары были самыми самоотверженными бойцами партии и первыми выходили вперед в опасные минуты.

За несколько месяцев в районе произошли большие перемены. Для хуторян открылись избы-читальни, на уроки грамоты стали приходить даже бородастые дядьки. Созданные ячейки комсомола в той или иной форме участвовали в решении важных для населения вопросов о продналоге, сельхозинвентаре, торговле.

Полистаем архивные документы... 27 октября 1923 года. «...Слушали: о переводе в партию в день 5-й годовщины РКСМ на торжественном заседании членов КСМУ Берездовской организации (т. Лисицын).

Постановили: провести кандидатами КП(б)У самых выдержанных и стойких членов КСМ: секретаря Райячейки Островского...» Первым поручился за него Лисицын.

Весной 1924 года Лисицына перевели председателем райисполкома в более крупный, Изяславский район. Наверное, по его настоянию сюда же направили вскоре райорганизатором комсомола Николай Островского. И здесь «неистовый комиссар» работал, как всегда, не щадя себя, с «шести утра до двух ночи». Ибо в его понимании только так и мог относиться большевик к своему делу. А примером был для него Лисицын. Не раз ездил вместе по хуторам, не раз засиживались чуть не до петухов за книгами в маленьком домике, где Николай Николаевич жил с женой и сестренкой.

За короткий срок он стал своим человеком в районе. Его энергия, неутомимость в работе зажигали комсомольцев. Николай не терпел пассивности, открыто возмущался, если кто-то не выполнял данных ему поручений, мог в гневе накричать, сказать обидное слово.

— Умерял свой пыл, — не раз советовал ему Лисицын. — Нельзя требовать, чтобы все вот так сразу перековались, сознательными стали. Убеждать людей надо.

Николай соглашался с этими доводами, не раз клял себя за несдержанность и вновь срывался, когда сталкивался с леностью, разгильдяйством...

Нина Львовна Гутман, одна из первых изяславских комсомолок, рассказывала мне:

«Николаю прощали горячность. Он ведь по натуре был очень отзывчивым, последним всегда поделится. И скромным. Нигде себя не выпячивал... Его очень уважали».

Приведем выдержку из письма Николая Люсе Беренфус, дочери врача Бердянского курорта, где он лечился после госпиталя: «Спросите меня: что у меня осталось родного, дорогого? Только одна партия и те, которых ведет она. Вы мне писали: что дает она мне? А дает то, что я не имею, это то, что движет нами — сильное, могучее, чему мы преданы всей душой»...

Это письмо было послано накануне события, ставшего праздником всей его жизни.

На 9 августа 1924 года было назначено собрание коммунистов Изяславской партиячейки. В протоколе отмечалось единогласное решение: перевести тов. Островского в члены КП(б)У, а тов. Юрина — в кандидаты, считать их коммунистами ленинского призыва. Это было выражением особого доверия. И здесь первым поручителем Николая был Лисицын.

...Домой Островский и Юрин, с которым вместе жили в комнатке райпарткома, вернулись поздно.

— Есть слова, которые трудно произносить, — взволнованно говорил Николай. — Но их надо повторять... Часто мысленно, про себя, редко — на людях, чтобы не заподозрили в неискренности. Но я тебе скажу — для меня без партии нет жизни. Я не знаю, что готов сделать, только бы со всеми заодно...

Встали они рано. Над сонным городом, распекая утреннюю сумеречность, разгоралась заря. Под лучами солнца вспыхнули стекла окон, заголубели крыши деревьев.

— Смотри, какой день, — восхищенно сказал Николай.

Иван Юрин выглянул в окно, согласился:

— Прямо революционный денек...

Ему осталось прожить в Изяславе считанные недели: еще проведет он праздник Урожая, еще объедет сельские комсомольские ячейки. Окружком партии будет рекомендовать Н. Островского в партшколу, и он, колеблясь, станет советоваться с Николаем Николаевичем, ехать ли ему на учебу.

Медицинская комиссия внесла в эти планы свои жестокие коррективы: Н. Островского направили на лечение в Харьковский медико-механический институт. Он ведет с надеждой на скорое выздоровление, и Николай Николаевич стиснет его на прощание в стальных объятиях, пожелает побыстрее вернуться... Начнутся тяжелые годы в жизни неистового комиссара. Островский будет прикован к больничной койке и — непокоренный, удивит мир железной стойкостью, не вмещающейся в рамки обычного понимания целеустремленности. Он выплеснет на страницы своих книг врожденный талант рассказчика, они с триумфом обойдут всю планету, он высоко пронесет звание коммуниста. И первый космонавт мира Юрий Гагарин скажет, что его духовным наставником был Николай Островский...

Все это будет. А сегодня, накануне своего двадцатилетия, он полон энергии, планов, светлых надежд. И готов к любым испытаниям.

Г. ЯКОВЛЕВ.
(Спец. корр. «Правды».)
г. Шепетовка,
Хмельницкая область.